

вас люблю

Георгий ДАНЕЛИЯ

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут соглашены; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расследованы.

Марк Твен.
«Приключения Гекльберри Финна»

Когда я сдавал фильм «Не горюй» художественному совету «Мосфильма», мне велели написать, что действие происходит в прошлом веке, а не сейчас.

— Зачем? Это и так видно.

— Для заграницы. Там не поймут.

Писать такой титр очень не хотелось, и я уговорил Михаила Ильича Ромма сказать это за кадром.

«Было это в конце прошлого столетия в солнечном черепичном городе. А может, это и не было... Нет, пожалуй, все-таки было», — звучит теперь в начале фильма голос моего учителя.

Воспользуемся этой фразой:

«То, что написано в этой книге, было со мной в прошлом столетии. А может, это и не было...»

ВГИК

— Надо отдать его во ВГИК, — сказал отец, когда я окончил школу.

— Почему во ВГИК? — спросила мама.

— А куда его, дурака, еще девать?

Отец мой, мэтр-строевец, считал работу в кино несерьезным занятием и предложил ВГИК (Институт кинематографии) как крайний вариант.

— Там хотя бы был есть, — сказал он.

Был действительно было. Мама работала на «Мосфильме» вторым режиссером и знала многих профессоров ВГИКа. А муж ее сестры, знаменитый актеры Верико Анджапаридзе, кинорежиссер Михаил Чиаурели снимали фильмы о Сталине и был тогда одним из самых влиятельных деятелей кино. Но поступать во ВГИК я отказался — блат был черезчур явным. И к тому же никакой тяги к режиссуре у меня не было, как, впрочем, и никакой тяги к чему-либо. Кроме джаза. (О джазе расскажу потом.)

— Но в какой-нибудь институт поступать надо обязательно, — сказала мама. — А то тебя в армию заберут.

В армию мне не хотелось. Мой приятель Женя Матвеев собирался в архитектурный, и я решил идти с ним — за компанию.

Интеллигент

После архитектурного по распределению я попал в ГИИТОГ (Институт проектирования городов), в мастерскую перспективной планировки. Мы решали, как должны развиваться города страны в течение ближайших двадцати лет. Но пока мы в Москве чертили, они на месте строили. Мы не знали, что они строят, а им плевать было на то, что мы чертим.

Пончалу я был полон энтузиазма, застинившись на работе по вечерам и порученную мне работу выполнил на месяц раньше срока. Ожидая похвалы, представил чертеж главному архитектору. Тот стал черным карандашом чиркать прямо по чертежу: «Тут надо так. А это надо вот так». Мог бы тут кальку положить... Стереть его чертеж карандаши не удалось, и пришлось чиркать все заново. Через неделю принес со всеми исправлениями, а он опять чиркает: «Этот надо так. А здесь — так...» Снова переделывало — опять не то.

К юрлике мне объяснили:

— Кода срока сдачи?

— Пятнадцатого.

— Слай проект тринадцатого, и все получат премию. А будем сдавать за месяц до срока, на месяц сократят сроки. Понял?

Я понял.

Приходил на работу к девятым, отмечался и шел курить. Потом шел в мастерскую, что-то чертил для приличия (под бесконечный рассказ чертежници Зины о подиумах соседки Люси) и шел курить. И так до без четверти час. Ровно без четверти приходил Олег Жагар, который работал в соседней мастерской. Мы съедали бутерброды, запивали чаем и ровно в час — за проходную. Гулять.

В тот день идем, гуляем — вишим: под забором лежит пьяный. Нестандартный: в макинтоше, берете, очках и галстуке. И при часах. А под шоколадом у него была скомканная газета.

— Надо разбудить, — сказал Олег, — разденут этого интеллигента. Ех, коллега!

Интеллигент открыл глаза, сел, огледелся, соображая, где он, и тупо уставился на нас.

— Домой или, пока в вытрезвитель не забрал, — сказал Олег.

— Я не пьян, — прохрипел интеллигент, — я отыхаю.

Он взял газету, расправил ее, снова лег и сделал вид, что читает.

Если бы тогда этот идиот не попался нам на глаза, может быть, моя жизнь на следующие полвека сложилась бы иначе. Не было бы бесконечных бессонных

ночей и сердечных приступов, не выкипал бы три пачки сигарет в день, не увидел бы полярное сияние и миражи в Каракумах, внучки не хвастались бы тем, что они — мои внучки, композитор Гия Канчели не подарил бы мне китайскую курточку и не написал бы я эту дурацкую книжку.

Пыльный читал «Советскую культуру», а там был заголовок: «Режиссерские курсы на «Мосфильме».

Я купил газету и узнал, что при «Мосфильме» решили организовать Высшие режиссерские курсы. На эти курсы будут принимать людей смежных профессий — художников, писателей, музыкантов... и архитекторов. Стипендия — сто тридцать рублей! А у меня в ГИИТОГе зарплата — двадцати.

— Зачем? Это и так видно.

— Для заграницы. Там не поймут.

Писать такой титр очень не хотелось, и я уговорил Михаила Ильича Ромма сказать это за кадром.

«Было это в конце прошлого столетия. А может, это и не было... Нет, пожалуй, все-таки было», — звучит теперь в начале фильма голос моего учителя.

Воспользуемся этой фразой:

«То, что написано в этой книге, было со мной в прошлом столетии. А может, это и не было...»

— Понял, свободен, писатель.

Слово «писатель» он выговорил как нечто неприличное.

— Выкинь эти мысли, — сказал Кончаков.

— Я и сам сомневаюсь, — сказал я.

— Гия, ни в коем случае, — сказал Тарковский, — это лучше из того, что я здесь увидел.

И сцена в фильме осталась. По двум причинам: во-первых, я уже видел материал «Иваново детство» и понял, что Тарковский кое-что в кино понимает. Ну и перед Андреевым было неудобно.

ПУТЬ к причалу

Отрывки из будущей книги «Безбилетный пассажир»

Сигрилаз объявил два дня выходных. Мы решили скинуться и в эти два дня сняться похоронные прабабушки. Что нам нужно?

— Камера и оператор — есть. Сержа — есть. Гроб — возьмем в похоронном бурую. С мотильщиками договоримся. Попситон за глаза хватит.

Пошли по похоронному бурую. Попросили дать нам гроб напрокат.

— Как напрокат? — не понял продавец.

— Вы что, ему обратно возвращать?

Ребята, я использованный обратно не приму! У них ягоды такой — гроб

нестыдно только при солнце можно, — сопротивлялся продавец.

— Солнышко — чтобы это идентично снимать, — сказали костюмерша и нервно закурили.

Сержину тень между крестов мы в

конце концов сняли, пошли снимать тени рабочих на стене. Подходим — а у

нашей «мотильи» стоит куча людей и открыты гроб.

В гробу лежит старушка.

В стороне курят наши мотильщики.

— Что же вы, ребята? Мы же с вами

договорились!

— А что же не так? Вы говорили, что

старушку, они и привнесли старушку...

Пожилая женщина плача наклонилась к гробу: «Мама, мамочка...» Потом подошел старик, поцеловал старушку в лоб и отошел, вытирая слезы тряпичками. Женщина обняла его:

— «Дядя, папа, ладно».

Мы постояли, помолчали.

— А может, не ее, науша пррабабушку?

— Сказала, что старушку...

Пожилая женщина плача наклонилась к гробу: «Мама, мамочка...» Потом подошел старик, поцеловал старушку в лоб и отошел, вытирая слезы тряпичками. Женщина обняла его:

— «Дядя, папа, ладно».

Мы с ним согласились.

и настроение. А Кончакский, штурман дальнего плавания, написал о реальном событии, в котором участвовал сам. И бомбам тоже было написано с реального человека. И именно о бомбам, об этом нелюдимом, одноком о морике написал он свой сценарий.

Я Кончакского возненавидел позже. Для с половины месяца мы провели в одноком аюте — изучая материал к фильму, или на сухогрузе «Леваневский» по Северному морскому пути. Каждое утро Кончакский пел. Пел он фальшиво, гнусным голосом, всегда одну и ту же песню. Но как хотелось ему врезать по затылку! Но я держалась.

В другом исполнении эту песню я услышала, когда мы вернулись из плавания и пошли в гости к писателю Юрию Нагибину. Там уставший худой парень взял гитару и тарзан. Старуха же, когда труба отбивала, — изумленно смотрела на него.

— Я вас очень прошу, погодите, — сказала старуха.

— А что же не так? Вы говорили, что

старушку, они и привнесли старушку...

Пожилая женщина плача наклонилась к гробу: «Мама, мамочка...» Потом подошел старик, поцеловал старушку в лоб и отошел, вытирая слезы тряпичками. Женщина обняла его:

— «Дядя, папа, ладно».

Мы с ним согласились.

Кончакский — за мной.

— Но ты много придумаешь. Бери.

— Мне за что зарплату платили. А чужие деньги мне не нужны.

— И мне не нужны! — рассердился Кончакский.

Мы шли по мосту через Мойку.

Он положил деньги на перила мостика и пошел!

— И я пошел. А деньги лежали на перилах. Две тысячи триста пятьдесят!

Машину можно купить, «Победу»!

Фанаберии у нас хватило шагов на

семь. Потом мы развернулись и, как по команде, рванули назад.

Деньги эти мне очень пригодились, потому что следующий фильм я начал снимать только через год, а между фильмами режиссерам зарплату не платили.

В тот день Кончакский уже в пятый раз устраивал банкет по случаю получения Общего приза «ОГ».

Виктор Викторович Кончакский жил в Ленинграде, объединение вызвало его в Москву для подписания договора.

Мы созвонились и договорились, что он вечером придет ко мне домой — зна комится.

Кончакский незадолго меня сразу: я

встретил его босой и с подвернутыми штанами. Был приготовлен обед, на кухне был накрыт стол... Но я обещал маме натереть пол и не рассчитал время.

А Виктор Викторович решил, что это пренебрежение назависшего со столом кинопионера к неизвестному (тогда) автору.

Но это еще не все. Еще больше он

меня возненавидел, когда мы заговорили о сценарии и я сказал, что бомбам Россомаха мне не очень интересен. И что меня больше интересует атмосфера

Кончакского до этого.

Деньги эти мне очень пригодились, потому что следующий фильм я начал снимать только через год, а между фильмами режиссерам зарплату не платили.

В тот день Кончакский уже в пятый раз устраивал банкет по случаю получения Общего приза «ОГ».

Виктор Викторович Кончакский жил в Ленинграде, объединение вызвало его в Москву для подписания договора.

Мы созвонились и договорились, что он вечером придет ко мне домой — зна комится.

Кончакский незадолго меня сразу: я